

УДК 82-93

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-12-20

Гротеск и абсурд в детской литературе: соотношение понятий

Екатерина Ю. Леонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leonova.ekaterina.u@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается поэтика гротеска и абсурда на материале детской литературы, в частности в рассказах Т. Собакина («Лысое чудовище», «Мотя», «Тогда я подумал»), Н. Носова («Фантазеры»), М. Есеновского («Ур-Юр-выр»), а также стихотворениях А. Гиваргизова («Непривычно»), А. Орловой («Я расту...») и А. Усачева («Вобла и журнал»). В качестве ключевой характеристики для обоих понятий выдвигаются идеи о целостности образов и их органичности в созданной художественной действительности. Так, абсурдные образы создаются множественностью точек зрения и возникающими между ними противоречиями, в них ярко выражена граница между естественным и неправдоподобным. В этих образах элементы не полностью совмещаются и могут быть разделены путем воображения. Гротескные образы в детской литературе, созданные объективизацией отдельных элементов или совмещением непротиворечащих друг другу планов, более органичны и также могут быть визуализированы, что отличает гротеск и абсурд от нонсенса. План телесного и изменчивость образа остаются наиболее частыми способами создания гротеска в детской литературе. Гротескное и абсурдное не проявляется зависимости от фантастического допущения, что позволяет этим категориям существовать как внутри, так и вне категории фантастического.

Ключевые слова: абсурд, гротеск, детская литература, нонсенс, фантастика

Для цитирования: Леонова Е.Ю. Гротеск и абсурд в детской литературе: соотношение понятий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 12–20. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-12-20

Grotesque and absurd in the literature for children. Correlation of concepts

Ekaterina Yu. Leonova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
leonova.ekaterina.u@gmail.com*

Abstract. The article considers the poetics of the grotesque and the absurd in the literature for children, in particular, the stories of T. Sobakin (“The Bald Monster”, “Motya”, “Then I Thought”), N. Nosov (“Dreamers”), M. Yessenovsky (“Ur-Yur-vyr”), as well as poems by A. Givargizov (“Unusual”), A. Orlova (“I am growing...”) and A. Usachev (“Vobla and the magazine”). Ideas about the wholeness of images and their harmony towards the created artistic reality are considered key characteristics for both concepts. So, absurd images are created by multiple points of view and contradictions between them, they clearly express the border between the ordinary and the implausible. The elements there are not completely combined and can be separated from each other by the means of imagination. Grotesque images in literature for children, created by objectifying individual elements or combining plans that do not contradict each other, are more natural and can also be visualized, and that is what distinguishes grotesque and absurdity from nonsense. The physicality and the variability of the image remain the most common ways of creating the grotesque in children’s literature. The grotesque and absurd does not depend on the fantastic assumption, which allows such images to exist both inside and outside the category of the fantastic.

Keywords: absurdity, grotesque, children’s literature, nonsense, fantastic fiction

For citation: Leonova, E. Yu. (2021), “Grotesque and absurd in the literature for children. Correlation of concepts”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 12–20, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-12-20

В рассказе Т. Собакина «Тогда я подумал»¹ герой размышляет об абсурде. В поисках определения различным ситуациям он сталкивается и с другими категориями, похожими, по его мнению, на абсурд: нонсенс (бессмыслица) и фантастика. Он не находит удовлетворительного разграничения между ними, и это неудивительно. До сих пор в литературоведческой науке между абсурдом, нонсенсом, фантастикой и гротеском не проведено четких различий. Тем более этого не сделано на материале детской литературы.

¹ Собакин Т. Тогда я подумал // Пионер. 1990. № 4. С. 26.

О.Д. Буренина в словарной статье о поэтике абсурда отмечает, что «абсурд может быть разложен на ряд приемов и принципов, главным содержанием которых является экспликация напряженного противостояния противоположных, рассудочно не соединимых фактов»². В свою очередь, О.Л. Черноорицкая определяет абсурд как «образ, данный как реальность, выходящая за пределы здравого смысла» [Черноорицкая 2002, с. 2]. Как сочетается понятие образа, предполагающего цельность, с идеей противостояния несоединимых фактов? Проанализируем на примерах из детской литературы, в том числе из нескольких рассказов Т. Собакина.

В рассказе «Мотя»³ герой хочет отнести колбасу не бездомной кошке, а бездомному бегемоту. С одной стороны, мы можем представить это животное, поместить его в пространство дома, тем более что внешний его облик никак не меняется. С другой стороны, очевидно, что характеристика созданного образа уже резко отличается от наших обычных представлений и ожиданий, и некоторые свойства такого образа не являются правдоподобными. Кроме того, за счет наделения этого образа новыми характеристиками вымещаются другие, правдоподобные его черты, поскольку *совместить* их невозможно. Так, у бегемота из рассказа меняется место его обитания и даже свойственная ему еда (бегемот, по мнению героев, «просит колбаски», а на балконе занимается тем, что ловит пастью ветер, причем более всего предпочитает юго-западный). Замещение одного объекта (кошки, о которой говорится заранее) другим объектом (бегемотом), при котором он лишается некоторых своих первоначальных свойств и наделяется свойствами домашнего животного, абсурдно.

В рассказе «Лысое чудовище»⁴ альпинист Веревкин так боится выйти из дома, что тренирует свои спортивные навыки в мусоропроводе. Очевидно абсурдная ситуация основывается на противоречащем логике замещении гор на мусоропровод, в том числе абсурдны именно основания для такого замещения, ведь из общего между этими образами может быть разве что протяженность. Конфликт составляющих этого образа рождает абсурд. Цельный ли это образ? С одной стороны, он может быть визуализирован, но, на наш взгляд, едва ли органичен. Как с трудом можно представить

---

²Буренина О.Д. Абсурда поэтика // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 7.

³Собакин Т. Мотя // Собакин Т. Заводной мир. М.: АСТ, Астрель, 2007. С. 100.

⁴Собакин Т. Лысое чудовище // Там же. С. 168.

бегемота, которого герои помещают в ванну, так и альпиниста в мусоропроводе представить достаточно сложно, образы как бы распадаются обратно на элементы, из которых состоят. Другой пример абсурдного образа тоже можно встретить в этом рассказе. Милиция пытается поймать пугающее всех Лысое чудовище, однако пуля застревает в стволе пистолета. Несмотря на физическое слияние двух объектов в один, не создается новый цельный образ, и абсурд основывается на противоречивом столкновении двух этих объектов.

В рассказах Т. Собакина встречаются и такие образы, представить которые оказывается абсолютно невозможно. Например, в уже упомянутом рассказе «Тогда я подумал» часы показывают сначала одиннадцать граммов, а потом мешок кроликов. Если в первом случае очевидна замена весов часами (хотя что взвешивается – не ясно), второй случай не оставляет шансов даже представить получившийся образ. Герой называет это бессмыслицей и оказывается прав. Созданные образы характеризует не абсурд, а нонсенс. Неорганичное и неправдоподобное слияние объектов в данных образах вместе с невозможностью их визуализировать говорит об отсутствии постигаемого смысла. Элементы практически не имеют ни единого основания для сравнения и соединения, в отличие от образов дикого и домашнего животного, пистолета и пули, как в рассмотренных выше текстах.

Идея слияния образов присутствует и в гротеске. По мнению М.М. Бахтина, «одна из основных тенденций гротескного образа тела сводится к тому, чтобы показать два тела в одном» [Бахтин 2010, с. 46], в нем также заложена противоречивость, двуликость. В чем же кроется коренное отличие от абсурдного образа? На наш взгляд, несмотря на противоречивость, образ целен и неразделим. В том же рассказе «Лысое чудовище» существо оказывается и страшным, и смешным, и ни одно из этих противоречащих друг другу качеств не может быть отделено, что подчеркивает его большую органичность по сравнению с абсурдными образами. Вероятно, поэтому гротескный образ напрямую связан с планом телесного, где части тела, с одной стороны, остаются неотделимыми компонентами образа, а с другой – объективируются, получая свое особенное воплощение. В повести А. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты» солдаты имеют огромные уши, а вместо рук – разветвленные древесные корневища, иногда с обрубленными отростками, и насчитывают по семь и по десять пальцев на каждой руке⁵.

---

⁵Волков А.М. Урфин Джюс и его деревянные солдаты. М.: Эксмо, 2016. С. 90.

Популярная тема в детской литературе, где особенно часто встречается гротеск, – взросление как «вырастание», что включает в себя как телесные образы, так и идею постоянного изменения, также характерную для гротескных образов, но не свойственную абсурдному. В стихотворении А. Орловой «Я расту...»⁶ прибавка в росте кажется герою настолько значительной, что он не только обгоняет папу, но и прорастает сквозь облака и дотягивается до звезд. Рост, непосредственно отражающий идею телесного, постоянное изменение тела делает стихотворение гротескным. Образ хоть и противоречит реальной логике, но вполне может быть визуализирован. Развитие образа, его «жизнеспособность» помогают соединить рассудку невероятные факты. Герой и его особенное качество сливаются в одно целое. И на этой цельности построено стихотворение.

Сборник коротких рассказов на тему роста представляет собой книга М. Есеновского «Главный шпионский вопрос»⁷, где мальчик Юра каждое утро замечает, что у него выросла какая-либо часть тела. Части тела достигают нереальных размеров, что дарит герою невероятные возможности: побывать в космосе с выросшей головой, увеличившимся ртом пугать животных в зоопарке. Огромный нос отваливается, забирается под кровать и собирается там жить. Рассказы строятся на выраженной телесности и объективизации образов. Кроме того, помимо обычных частей тела, у мальчика вырастают хвост и крылья, что также является гротескным совмещением элементов: человеческого и животного. Однако данная монструозность не уродлива и не страшна, что часто характеризует «взрослые» гротескные образы, характерные для карнавального гротеска. Все ситуации, построенные вокруг частей тела, комичны: мама зовет Юру обедать, и он возвращается из космоса, а в огромном рту оказывается легко рассмотреть большие зубы (в результате чего мальчик из зоопарка идет к стоматологу).

Сочетание гротескных и абсурдных ситуаций в детской литературе редко можно встретить. На наш взгляд, один из таких немногочисленных примеров – рассказ Н. Носова «Фантазеры»⁸. Мишутка и Стасик, как отмечает автор, решили рассказать друг другу различные *небылицы*. В процессе этой игры мальчики действительно придумали невозможные ситуации: они увеличиваются и умень-

⁶ Орлова А. Я расту... // Орлова А. Со стихами целый день. М.: Росмэн, 2019. С. 14.

⁷ Есеновский М. Главный шпионский вопрос. М.: Эгмонт, 2017.

⁸ Носов Н.Н. Фантазеры // Носов Н.Н. Фантазеры и другие рассказы. М.: Махаон, 2020. С. 10–17.

шаются в размерах, способны переплыть море и реку, летать. Наиболее невероятной кажется история о том, как Мишутке голову откусывает акула, но он идет без нее домой и отрацивает новую. С одной стороны, рассказанное действительно абсурдно: дети не обладают ни такими выдающимися физическими способностями, ни анатомическими свойствами, позволяющими отрацивать голову. Нереальность рассказываемого подчеркивается и самими героями. Мальчики сами удивляются рассказам друг друга, отмечая несоместимость их «логик». Рассказанное происходит только в головах ребят, и на неправдоподобность их рассказов указывает автор в самом начале текста. Таким образом, абсурдность ситуации и образов возникает как в самой художественной реальности, так и вне ее (при применении законов реального мира).

В то же время созданные образы, несмотря на их нереалистичность, оказываются цельными, что подтверждается их способностью к различным действиям (переплыть реку, море, ходить без головы). Созданные образы характеризуются телесностью и изменчивостью (рост и уменьшение тел мальчиков, «безголовое» тело), и в них нельзя что-либо отделить от созданного образа. Это неразделимое живое целое, как отмечал М.М. Бахтин, – главная черта гротескного образа.

Идея об органичности, цельности и соответствии абсурдного образа каким-либо законам, конечно, субъективна, однако часто именно благодаря точке зрения и создается абсурд. Рыба из стихотворения А. Усачева «Вобла и журнал» летает по небу в очках и читает статью профессора о том, что таких, как она, не бывает. Удивившись и расстроившись («обидно читать, что тебя не бывает»⁹), она отказывается от своих необычных атрибутов. Так, в стихотворении сталкиваются две точки зрения: точка зрения рыбы, читающей журнал, и мнение профессора о невозможности существования таких рыб. Точки зрения встречаются, и рыба даже меняет свой облик. Здесь абсурд возникает как внутри художественной реальности – в столкновении противоположных точек зрения, так и на уровне композиционно-речевых форм. В то же время образ летающей воблы абсурден и с точки зрения жизненной реальности, законов природы.

Заметим, что образ рыбы может быть разложен на два плана – план реального существа и план человеческих, несвойственных ему частей. Эти два плана легко отделяются, что и происходит в стихотворении – рыба отказывается от всех «лишних» вещей. Это

---

⁹ Усачёв А. Вобла и журнал // Усачев А. Если бросить камень вверх. М.: Нигма, 2015. С. 15.

говорит также об отсутствии гротескного слияния в этом образе, тогда как мы не смогли бы укоротить части тела солдат Урфина Джюса или превратить Лысое чудовище в реально существующее животное.

Точка зрения играет непосредственную роль в создании абсурда в стихотворении «Непривычно» А. Гиваргизова. В бытовой, вполне возможной реальной ситуации кусания насекомыми ребенка воспроизводится точка зрения этих насекомых. Благодаря такому взгляду на ситуацию в образе насекомых сталкиваются несовместимые действия: забота о ребенке и причинение ему боли («Давай, улыбайся и высуши слезы», / – Сказали, кусая, пиявки и осы»¹⁰).

Герой Т. Собакина, продолжая попытки категоризировать произошедшие с ним ситуации, замечает: «Что же это было? Сказка?.. Вроде не похоже. Волшебством-то и не пахло! Фантастика?.. Вряд ли. Я же в другие миры не летал...»¹¹ Но что же такое «другие миры», единственное ли это различие между гротеском, абсурдом и фантастикой? Согласно статье С.П. Лавлинского и В.Я. Малкиной, фантастическое действительно требует как минимум двух миров в художественной реальности произведения [Малкина, Лавлинский 2019]. В то же время гротескное и абсурдное может существовать как в фантастическом, так и в реалистичном художественном мире, что говорит о более широкой области их применения.

В категории фантастического особую роль играет имажинативная когерентность – соответствие сюжетного плана и композиционно-речевых элементов произведения, т. е. когда происходящее разными способами утверждается. Среди таких способов может быть воспроизведение предшествующих событий или множественность точек зрения. Гротескный образ, как правило, создается с точки зрения Всезнающего автора или обладателя гротескных черт («Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Я расту» и др.). Однако абсурд, как мы успели убедиться, может быть создан единственной точкой зрения («Тогда я подумал» Т. Собакина, «Непривычно» А. Гиваргизова) или же при помощи конфликта («Фантазеры» Н. Носова, «Вобла и журнал» Т. Собакина). Но даже если происходящее все же воспринимается с нескольких позиций («Мотя»), то не допускается существования другого мира, а также необязательным оказывается рассказ о прошлых событиях. Таким образом, абсурду и гротеску свойственно менее

¹⁰ Гиваргизов А. Про драконов и милиционеров. М.: Эгмонт Россия ЛТД., 2017. С. 93.

¹¹ Собакин Т. Тогда я подумал. С. 26.

органичное сочетание элементов в художественной реальности, она не требует строгого утверждения. Что касается образов, то в каждом из них по-разному соотношены границы естественного и сверхъестественного. В гротескном и фантастическом образах это органичное соединение, в то время как в абсурдном образе оно не осознается органичным даже теми, кто видит такой образ в самой художественной реальности. Видимость этой границы, конфликт на границе порождают восприятие его как абсурдного.

Ю.В. Манн, говоря о фантастическом, указывал на особенную роль так называемого фантастического допущения – мысленного принятия доли нереального, после которого развитие событий и образы кажутся более естественными для данной художественной реальности [Манн 1966]. Интересно, что даже при наличии этого приема абсурдные образы не будут восприняты как реально возможные. Неслучайно герои рассказа «Фантазеры», придумывая небылицы, искренне удивляются рассказам друг друга. Даже собственная фантазия, только что оперировавшая нереальными образами, не может допустить другой почти такой же абсурдной ситуации. Кроме того, абсурд в детской литературе часто создает образы в знакомом ребенку мире. Ситуации видятся нелогичными и абсурдными из-за контрастного несоответствия законам данной реальности.

Таким образом, в основе сравнения категорий гротескного и абсурдного могут лежать идея о соотношении элементов, целостности и понятие воображения. Абсурд не допускает полного соединения элементов, а при попытке «насильного» соединения вымещает нечто из суммы получившихся значений. Тем не менее он может быть визуализирован, и в этом его главное отличие от нонсенса, элементы которого не могут быть логически соединены и представлены ни при каких обстоятельствах. В детской литературе абсурд, как правило, является элементом комического. Гротеск так же визуален, как абсурд, и обе категории могут быть также соединены с фантастическим, однако его элементы представляют собой гораздо более органичное единое целое, и если в абсурдном образе можно выделить соединенные элементы, гротеск не допускает такого разделения. Фантастическое в этом смысле представляет собой наиболее органично созданную систему за счет имажинативной когерентности. Ее ключевые приемы – множественность точек зрения, фантастическое допущение в абсурде и гротеске – гораздо менее необходимы.

Литература

- Бахтин 2010 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин Н.Н. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4, ч. 2. М., 2010. 747 с.
- Малкина, Лавлинский 2019 – *Малкина В.Я., Лавлинский С.П.* О категориях фантастического, гротескного и абсурдного // Абсурд, гротеск и фантастика в визуальных измерениях: Сб. ст. / Сост. и ред. В.Я. Малкина, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2019. С. 17–29.
- Манн 1966 – *Манн Ю.В.* О гротеске в литературе. М., 1966. 181 с.
- Чернорицкая 2002 – *Чернорицкая О.Л.* Поэтика абсурда в аспекте литературно-художественной методологии: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 207 с.

References

- Bahtin, M.M. (2010), *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa* [Francois Rabelais' works and folk culture of the Middle Ages and Renaissance], in 7 vol., vol. 4, part 2, Moscow, Russia.
- Chernorickaya, O.L. (2002), “*Poetics of the absurd in an aspect of literary and artistic methodology*”, Ph.D. Thesis (Philology), Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russia.
- Malkina, V.Ya. and Lavlinskii, S.P. (2019), “On the categories of the fantastic, the grotesque and the absurd” in Malkina, V.Ya. and Lavlinskii, S.P. (ed.), *Absurd, grotesk i fantastika v vizual'nyh izmereniyah* [Absurdity, grotesque and fantasy in visual dimensions], Editus, Moscow, Russia, pp. 17–29.
- Mann, Yu.V. (1966), *O groteske v literature* [About grotesque in literature], Sovetskii Pisatel, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина Ю. Леонова, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; leonova.ekaterina.u@gmail.com

Information about the author

Ekaterina Yu. Leonova, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; leonova.ekaterina.u@gmail.com